

О. М. Моргун
Москва, Россия

О. М. Morgoon
Moscow, Russia

**КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ
В МЕТОДОЛОГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS
WITHIN POLITICAL SCIENCE
RESEARCH METHODS**

Аннотация. Исследуется практика использования критического дискурс-анализа в политической науке. На основе материалов специализированной литературы и библиометрических показателей выявляется дефицит внимания к данному методу со стороны международного и российского политологического сообщества. Краткое рассмотрение его сущности, возможностей и ограничений демонстрирует перспективы интеграции этой междисциплинарной качественной методики в эмпирический инструментарий политической науки.

Abstract. This article examines critical discourse analysis usage for political investigations. Special survey of literature, schedules and articles brings out strong methodological deficiency. Some argumentation on issues, means and limits of critical discourse analysis emphasize its prospects for political science development.

Ключевые слова: методология политической науки; количественные методы; качественные методы; критический дискурс-анализ.

Key words: political science research methods; quantitative methods; qualitative methods; critical discourse analysis.

Сведения об авторе: Моргун Оксана Михайловна, аспирант факультета прикладной политологии.

About the author: Morgoon Oksana Mikhailovna, Post-graduate Student of The Faculty of Applied Political Science.

Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Place of employment: The National Research University "Higher School of Economics" (Moscow).

Контактная информация: 125319, г. Москва, Кочновский проезд, д. 3.
e-mail: o_morgoon@mail.ru.

В центре внимания политической науки находятся принципы и практика распределения, приобретения и передачи власти в сложном организме — политической системе. Процессуальный характер властных отношений автоматически предполагает взаимозависимые категории господства и подчинения: обладание властью обеспечивает господство одних акторов над другими, подчиняющимися их воле на основании того, что последние оценивают такое состояние легитимным, т. е. справедливыми и допустимым. В современном обществе политическая сфера приобретает различные измерения и формы, так как является ключевой интегрирующей силой экономической, социальной, культурной подсистем и включенного в них индивида. Изучение такого комплексного феномена требует тщательной разработки методологического инструментария.

При выборе метода политического исследования актуальны многочисленные вопросы. Какой метод является наиболее эффективным для решения поставленных задач? Обладает ли исследователь ресурсами (доступность информации, контакты экспертов и др.) и навыками (теоретические знания, широкий кругозор, владение специализированными компьютерными программами и др.) для проведения исследования? Соответствует ли выбранный метод условию экономичности используемых ресурсов? Какие условия или критерии позволяют оценить репрезентативность полученных результатов? Только получив ответы на подобные

вопросы, автор будет уверен в работоспособности методологической базы своего исследования и готов к возможной критике.

Политологов часто обвиняют в дефиците (недостаточной разработанности и разнообразии) специфической методологии. Необходимо признать, что подобная критика не соответствует общей для гуманитарных наук тенденции интеграции и междисциплинарности используемого аналитического инструментария. В большинстве русско- и англоязычной литературы, посвященной методологии политической науки [см., напр.: Ахременко 2006; Боришполец 2005; Штейнберг 2009; Hay 2002; King, Keohane, Verba 1994; Johnson 2008 и др.], предлагается стандартная для социальных наук классификация методов: количественные, качественные и сравнительные. Если сравнение является классическим методом научного анализа и не вызывает серьезных разногласий, то между сторонниками количественных и качественных методов развивается продолжительная дискуссия [см., напр.: Ragin 1987; Yanow 2006; Brady, Collier 2004; Mahoney, Goertz 2006 и др.]. Наличие подобного противостояния в западной политической науке демонстрируют результаты эмпирического исследования П. Шварц-Ши и Д. Яноу. Проанализировав четырнадцать актуальных (на момент проведения исследования) учебных пособий по методологии исследований в политологии, социологии и государственном управлении, ученые приходят к выводу о господстве позитивистской парадигмы в данной

отрасли знания и соответственно количественных методов. В большинстве работ основное внимание уделяется «эмпирическим» статистическим методам сбора и анализа данных, в то время как «интерпретативные» методы либо не заслуживают должного внимания, либо не рассматриваются вовсе. По мнению авторов, результаты исследования отражают не столько дискуссию между сторонниками эмпирических и интерпретативных процедур анализа, сколько противоречия современной политической науке претензии на «позитивность» продуцируемого знания: «Во всех работах присутствует согласие с тем, что позитивный анализ является образцом научного исследования в политической (и социальной) науке... Интерпретативные методы сбора и анализа данных практически „исчезли“. В проанализированных пособиях количественные методы называются „эмпирическими“ и „лучшими“» [Schwartz-Shea, Yanow 2002: 476]. Мы проверили состояние дел на настоящий момент времени. Актуальные специализированные издания зарубежных авторов по методологии политической науки [см., напр.: Marsh, Stoker 2002; Pennings, Keman, Kleinnijenhuis 2006; Johnson 2008; Le Roy 2008; Box-Steffensmeier, Brady, Collier 2008; McNabb 2009; Grigsby 2011 и др.] по-прежнему приоритетным направлением определяют количественные методы, хотя предлагают читателю подробную информацию также и о качественных методиках исследования.

Возможно, данный факт обусловлен трансграничным фактором: анализировались работы англоязычных авторов. В европейской гуманитарной науке более сильна традиция использования качественного методологического инструментария, ставшая признанным направлением развития для всех социальных наук. Главным контраргументом использования количественных методов, общим для всех гуманитарных наук, является стандартизация методики, обуславливающая заранее обозримые рамки изучения объекта и соответственно предзаданность получаемых результатов. Вероятно, самой распространенной является критика использования в политологических исследованиях вторичных данных (статистики, результатов социологических опросов), а не самостоятельный сбор и анализ полевой информации. Без статистической сводки и результатов опроса общественного мнения трудно представить не только современные исследования, но и выступления экспертов (политических аналитиков).

Явная ориентация политической науки на эмпирическое знание, безусловно, означает противоречие между теоретическим и методологическим уровнями (парадигмальным и методическим соответственно). Постмодернизм, как основное теоретическое направление гуманитарных наук сегодня, обуславливает становление новой коммуникативной парадиг-

мы, предполагающей увеличение доли интерпретативных методик, чему не соответствует методологическая ориентация политологов.

Возможно, решением сложившейся ситуации станет устойчивая тенденция к совмещению количественных и качественных методов в проводимых исследованиях. Так, для социологии характерно то, что «появилась потребность понять значения и смыслы, которые стоят за однозначными анкетными ответами... Поэтому наряду с анкетными опросами стали широко применяться качественные методы сбора социологических данных: включенное наблюдение, глубинное интервью, методы групповых дискуссий, фокус-групп и др.» [Белановский 1996: 87]. В политологии также наблюдается движение в направлении подкрепления результатов интерпретативных методик данными количественных исследований и статистики. Практика совмещения качественных и количественных методов обуславливает использование процедуры триангуляции для подтверждения валидности исследования, заимствованной из социологической науки: «Комбинируя наблюдателей, теории, методы и источники данных, исследователи могут надеяться на то, что преодолеют смещение, неизбежное при подходе к исследованию с одним-единственным методом, одним наблюдателем, одной теорией» [Штейнберг и др. 2009: 315]. Использование подобных процедур представляется справедливой альтернативой выполнению условий верифицируемости позитивного научного знания при устранивании доминирования количественных методов анализа.

Рассмотрим, какое место в структуре аналитического аппарата политологов занимает критический дискурс-анализ, предложенный Норманом Фэрклоу, позволяющий, на наш взгляд, отчасти нивелировать противоречие между качественной и количественной ориентацией научных методов. В современных зарубежных изданиях [см., напр.: Marsh, Stoker 2002; Pennings, Keman, Kleinnijenhuis 2006; Johnson 2008; Le Roy 2008; Box-Steffensmeier, Brady, Collier 2008; McNabb 2009; Grigsby 2011 и др.] дискурс-анализ далеко не всегда привлекает внимание авторов. Статистический уклон преобладает в работах М. К. Ле Роя, Г. Кинга [King 1998; Le Roy 2008] и др. Среди качественных методик в основном предлагаются исторический, сравнительный анализ, метод изучения кейсов и событий, контент-анализ. Только в книге Д. МакНэбба «Методы исследования в политической науке» специальный раздел посвящен текстуальному и дискурсивному анализу (критический подход рассматривается в рамках исследований феминизма) [McNabb 2009]. В то же время в «Оксфордском пособии по методологии политической науки» подчеркивается, что сегодня, например, Американская ассоциация политической науки все больше внимание уделяет новым методам анализа.

В частности, на ежегодной специализированной секции собраний APSA в 2008 г. была развернута дискуссия по возможностям критического дискурс-анализа и контент-анализа в сравнении с другими методами [Gal 2008: 380].

Интерес также представляют реальные практики обучения методологическим основам политологии. В зарубежных вузах преподаватели рассматривают текстуальные и интерпретативные методики, включают в программы курсов и дисциплин специальные разделы или лекции по дискурсивному, нарративному и контент-анализу. (Из проанализированных (на базе открытых источников Интернета) программ такое было выявлено, например, в следующих: Prof. T. Hopf (2003) *An Introduction to Qualitative Methods*, Dept. of Political Science, The Ohio State University; Prof. P. Pierson (2004) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*, Course Schedule, Princeton University; Prof. T. Büthe (2006) *Research Design and Qualitative Methods*, The Duke University, Dept. of Political Science; Prof. J. Lynch (2008) *Qualitative Methods: Research Design and Analysis*, Dept. of Political Science, The University of Pennsylvania; Prof. E. Schatz (2009) *Qualitative Methods in Political Research*, Dept. of Political Science, The University of Toronto; Prof. H. Mylonas (2010) *Qualitative Research Methods*, Dept. of Political Science, The Elliott School of International Affairs и др.) Основной акцент делается в качественном разделе на неструктурированных и глубинных интервью, включенных и невключенных наблюдениях, экспериментах, анализе исторических данных, теории рационального выбора, кейс-стади, ивент-анализе, анализе вторичных данных, работе с архивными документами, историографическом методе. В вузах России (по данным информационного ресурса <http://abitur.nica.ru/> были проанализированы методические материалы по специализированным дисциплинам в 71 вузе <необходимо заметить, что программы по курсам и дисциплинам представлены в открытом доступе не более чем в 20 % учебных заведений>), предлагающих возможность получить профессиональное образование по специальности «Политология», преподаватели специализированных курсов также не уделяют особого внимания возможностям использования дискурсивных и текстуальных методов в политических исследованиях. Следует отметить интерес к данному направлению в Российском университете дружбы народов (на профильном факультете), где заявлены специальные курсы по дискурсивному анализу историко-культурных текстов, психосемантическим методам анализа (семантический дифференциал, техника репертуарных решеток), нарративному анализу. Сле-

дует признать, что как в отечественной, так и в мировой практике критический дискурс-анализ значительно более востребован лингвистами и психологами.

Еще более явно дефицит внимания политологов к критическому дискурс-анализу демонстрируют результаты библиометрического анализа не на уровне «входа» (преподавания методологии будущим ученым и включения его в соответствующие разделы учебных пособий), а на уровне «выхода» (реальной практики использования в политических исследованиях).

В обзорном труде «Методы анализа текста и дискурса» коллектив авторов (С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер) сосредоточивают внимание на текстуальных методах: контент-анализ, обоснованная теория, анализ способа категоризации участия, конверсационный анализ, нарративная семиотика, SYMLOG, два подхода к критическому дискурс-анализу, функциональная прагматика, теория различий, объективная герменевтика. Они последовательно рассматривают теоретическую базу, цели, описание методики, критерии и качества, предусловия и области применения каждого метода и сравнивают его с другими. В книге приводятся результаты библиометрического исследования, дающие представление о распространенности того или иного метода и перспективах его использования в социальных науках. Абсолютная ежегодная частота цитирования методов в литературе (на основе данных SSCI — Индекса цитирования в социальных науках — за период 1991—1998 гг.) демонстрирует следующие данные: после обоснованной теории и этнографии коммуникации критический дискурс-анализ Н. Фэрклоу занимает третью позицию. Показательной является динамика цитирования — самая значительная среди всех анализируемых методов отмечается для критического дискурс-анализа: увеличение более чем в пять раз, с 9 в 1991 г. до 51 в 1998 г. [Тичер и др. 2009: 301]. Анализ статистики статей в базе JSTOR, содержащих ключевые слова запросов, подтверждает противоречащую другим наукам (социологии, психологии, антропологии, лингвистике) практику минимального (практически отсутствующего) их упоминания в специализированных изданиях по политической науке. Для сравнения, в социологии с момента выхода в свет книги Н. Фэрклоу «Язык и власть» (1989), который можно считать датой институционализации метода в научном аппарате, в период с 1990 по 2010 гг. упоминание критического дискурс-анализа (critical discourse analysis) и его основателя (Fairclough) стабильно в разы превышает аналогичный показатель для политической науки (см. табл.).

Таблица.

Количество статей с упоминанием ключевых единиц запросов (critical discourse analysis, Fairclough) в корпусе статей на базе JSTOR, 1990—2010 гг.

Запросы	1990 — 1994	1995 — 1999	2000 — 2004	2005 — 2010
1: CDA in PS	0	1	1	0
2: Fairclough in PS	5	18	19	14
3: CDA in S	890	1 399	1 271	899
4: Fairclough in S	8	23	27	27
5: CDA in A	1 510	2 205	2 281	1 741
6: Fairclough in A	11	29	43	33
7: CDA in L	2 886	2 932	3 015	2 218
8: Fairclough in L	33	77	88	66
9: CDA in Ph	404	435	524	479
10: Fairclough in Ph	3	5	6	13
11: CDA in Ps	93	129	125	98
12: Fairclough in Ps	2	2	4	0

Пояснение к таблице

Запросы (1: critical discourse analysis (CDA); 2: Fairclough) формировались путем расширенного поиска в базе журналов JSTOR со специализацией по научным областям (политические науки — PS, социология — S, антропология — A, психология — Ps, лингвистика — L, философия — Ph) с детализацией по годам.

Количественный показатель упоминаемости названия и автора критического дискурс-анализа в статьях свидетельствует о его значительной распространенности в социальных науках, вразрез с чем идет минимальный интерес политологов к данному методу. Для обоснования необходимости преодоления подобной методологической асимметрии рассмотрим возможности и ограничения критического дискурс-анализа как одного из перспективных качественных методов анализа политических феноменов, представляющих собой социальные явления и события, вербализованные в публичном пространстве.

Традиционно, в античности и в Новое время, ораторское искусство и практика аргументации считались фундаментальными составляющими политической деятельности. Более того, на современном этапе развития в социальных науках возросло влияние постструктуралистов, уделявших внимание изучению истории понятий и языковому конструированию реальности. В XX в. сначала в США, а позже и в европейских странах возник интерес к возможным результатам воздействия СМИ, что обусловило формирование новой области научного познания — коммуникативных исследований. Несмотря на все это, изучение политического дискурсивного пространства сохраняло статус факультативного или периферийного направления в политической науке [Gal 2008: 376].

Н. Фэрклоу подчеркивает значимость текстового уровня в дискурс-анализе и критикует недостаточное внимание, которое ему уделяют в социальных науках, несмотря на заметный «поворот к лингвистике». Он приводит четыре

аргумента в защиту текстового анализа: теоретический, методологический, исторический и политический. Его теоретическое обоснование состоит в том, что социальные структуры — например, классовые отношения — находятся в диалектических взаимоотношениях с социальной действительностью. А тексты — это значимая форма социальной действительности. Методологическое доказательство высокой значимости текстового анализа, по мнению ученого, — это все более частое использование текстов как источников данных. Его историческое обоснование базируется на том, что тексты — хорошие индикаторы социальных изменений. Анализ содержания и текстуры — это противовес строго схематичному социальному анализу, где слишком мало учитывают механизмы изменения. Четвертое обоснование — политическое — связано с критической ориентацией дискурс-анализа: социальный контроль и власть все чаще реализуются с помощью текстовых средств. Н. Фэрклоу называет критический дискурс-анализ «одной из стратегий анализа общественных отношений и структуры, наряду с этнографией или институциональным анализом» [Fairclough 2003: 2]. Дискурсивный анализ как критический метод изучает, каким образом различные социальные практики (такие как искусство, критика и мораль) отражаются на структуре и организации общества. Он обычно характеризуется как подход к изучению языка, отдельных высказываний и вызванных ими действий. Цель критического дискурс-анализа, по мнению другого программного автора данного направления, Р. Водак, — изучать «прозрачные структурные отношения доминирования,

дискриминации, власти и контроля, отраженные в языке», «реальные социальные взаимодействия, принимающие (частично) лингвистическую форму» [Blommaert, Bulcaen 2000: 448].

Критический дискурс-анализ рассматривает дискурс не просто как использование языка в речи и на письме, а как форму «социальной практики». Такой подход к пониманию дискурсивного пространства предполагает диалектические отношения между отдельным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его формируют. Диалектические отношения — это двусторонние отношения: ситуации, институты и социальные структуры формируют дискурсивное событие, а дискурсивное событие в то же время формирует их [Fairclough, Wodak 1997: 55].

Каждый случай артикуляции значения прецедентного события Н. Фэрклоу предлагает рассматривать как комплексное коммуникативное событие, одновременно отраженное в трех измерениях: текст, дискурсивная практика, которая включает производство и восприятие текстов, и социальная практика. Взаимосвязь открытости, понятности, интерпретативной и объяснительной природы анализа — важные критерии для критического дискурс-анализа. Еще одно характерное требование, которому должны соответствовать результаты, — это их практическая релевантность. Критический дискурс-анализ работает с социальными проблемами, что обеспечивает существенное предусловие его использования — применимость его результатов в существующей социальной практике [Йоргенсен, Филлипс 2004: 208—209, 226—227].

Алгоритм критического дискурс-анализа предлагает включить в поле исследования следующие компоненты [по Fairclough 2003: 99]:

- Дискурсивное описание конкретной социальной проблемы или общественного явления с учетом не только лояльного общественного мнения, но и критического его измерения (в том числе описание, ориентированное на выявление прагматических интенций политических акторов).

- Хронику развития реальных событий, вызванных какой-либо социальной проблемой, (возможно) сопровождающуюся изменением характера или структуры социальных взаимодействий.

- Оценку причин, практики разрешения и возможных последствий какой-либо социальной проблемы в культурно-исторической эволюции конкретного общества, в рамках его ценностно-нормативной системы.

Области применения критического дискурс-анализа обусловлены тем, что он развивался под влиянием политического контекста идеологических и политических движений 1960-х гг. В общем интерес для него представляют доминирование и отношения власти между социаль-

ными сущностями и классами, между женщинами и мужчинами, между национальными, этническими, религиозными, политическими, культурными и субкультурными группами. Поэтому потенциальная сфера его применения — проблемные области, которые имеют отношение к анализу социальной власти: исследование женского вопроса, антисемитизм, фашизм, ксенофобия, язык в политике или язык в организациях. В качестве исходной точки он всегда берет посылку о том, что неравенство и несправедливость многократно воспроизводятся в языке и там легитимируются [Тичер и др. 2009: 226].

Принимая как данность концептуальную близость критического дискурс-анализа к проблематике политологии, определим его возможности и ограничения в качестве методологического инструментария политических исследований. В раскрытии достоинств и недостатков нам представляется логичной последовательность *метод — политическая наука — область научного познания*, которой мы и будем придерживаться.

В сравнении с другими методиками критический дискурс-анализ не обладает четко регламентированной процедурой как подбора материалов (текстов, прецедентных событий и высказываний), так и самого анализа, которые часто определяются и изменяются исследователем самостоятельно. Главным направлением обоснованной критики дискурс-анализа следует признать субъективизм исследователя на заключительном этапе, при интерпретации данных. При значительных объемах текстового материала критический дискурс-анализ становится достаточно времязатратным инструментом как при сборе, так и при обработке данных, особенно при условии неиспользования программного обеспечения. Качественный характер, ориентация на анализ *ex post* и отсутствие опоры на вероятностно-статистическую платформу сокращает прогностический потенциал критического дискурс-анализа, хотя в то же время он может послужить существенным дополнением при интерпретации количественных данных. На уровне метода политической науки критический дискурс-анализ сталкивается с проблемой прагматической интенциональности основного предмета анализа (медиадискурса) и манипулирования (в том числе пропаганды) со стороны ключевых акторов (не только политиков и журналистов, но и профессиональных спичрайтеров) в открытом публичном пространстве. Кроме того, возможности дискурсивного анализа сильно ограничены политикосоциальными факторами: цензура, политика принятия решений «за закрытыми дверями», неравномерность (или даже дискриминация) присутствия различных акторов в дискурсивном политическом поле. В совокупности все эти факторы способствуют тому, что в рамках системы знания критический дискурс-анализ не

обладает легитимностью со стороны научного сообщества в силу неоднозначности методики, которая меняется в зависимости от различных условий.

Для подтверждения целесообразности включения критического дискурс-анализа в методологический аппарат политической науки рассмотрим основные характеристики, способные выявить его преимущества. В условиях современного информационного общества критический дискурс-анализ в большинстве случаев не требует эксклюзивных и сложных процедур сбора данных, материалы доступны в Интернете и медиапространстве (за исключением ситуаций, когда для анализа используются секретные или архивные документы). Это делает его также достаточно экономичным методом анализа, который предполагает только усердие и внимательность со стороны исследователя при формировании методики и сборе корпуса текстов. При условии доступности материалов, наличии прописанной процедуры их подбора и обработки, критический дискурс-анализ становится верифицируемой методикой — любой другой аналитический алгоритм и инструмент может проверить, дополнить, подтвердить или фальсифицировать его результаты. Эмпирическая ценность дискурсивного анализа для политической науки определяется прежде всего его идеологическим соответствием — сосредоточение внимания на критике властных отношений. Кроме того, он предполагает работу с большими объемами текстового материала, дает возможность непосредственного анализа данных, избавляя политологов от традиционных обвинений по поводу вторичного анализа и интерпретации данных. На уровне общенаучного познания включение критического дискурс-анализа в политическую науку соответствует тенденциям междисциплинарности и интерпретативизма, свойственным современной парадигме постмодернизма.

М. В. Жеребцов отмечает: «Операционализация метода дискурс-анализа с целью его включения в методологический аппарат становится важной задачей современной политической науки» [Жеребцов 2005: 67]. В силу своего прагматического характера и способности анализировать динамичный во времени и пространстве объект критический дискурс-анализ представляется перспективным методом для политических исследований, поскольку включает в анализ коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической сферы.

Проведенный анализ специализированной литературы и курсов учебных программ выявил позитивистский (количественный) уклон в методологической подготовке политологов. Косвенным результатом этого является нераспространенность критического дискурс-анализа в политических исследованиях, что демонстрируют библиометрические данные статей по базе

JSTOR за двадцатилетний период. Подобный факт расходится с характерной для других социальных наук (социологии, психологии, антропологии) тенденцией, что, в свою очередь, свидетельствует о дефиците возможностей качественного методологического инструментария политологов. Попытка выявить не только недостатки методики критического дискурс-анализа, но и ее очевидные достоинства и дополнительные возможности для исследований общественных феноменов позволяет говорить о целесообразности и эмпирической ценности его интеграции в комплекс методов современной политической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006.
- Белановский С. А. Метод фокус-групп. — М.: Магистр, 1996.
- Боришполец К. П. Методы политических исследований. — М.: Аспект Пресс, 2005.
- Жеребцов М. В. Качественные методы в политической науке: теоретические основания и научный статус : дис. ... канд. полит. наук. — М., 2005.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 354 с.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. — СПб.: Алетейя, 2009.
- Blommaert J., Bulcaen Ch. Critical Discourse Analysis // *Annual Review on Anthropology*. 2000. Vol. 29. P. 447—466.
- Box-Steffensmeier J. M., Brady H. E., Collier D. (eds.) *The Oxford handbook of political methodology*. — Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Brady H. E., Collier D. *Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standards*. — L.: Rowman & Littlefield, 2004.
- Chattopadhyay H. P. (ed.) *Methodology of Political Research*. — N. Y.: Global Vision Publishing House, 2005.
- Dryzek J. S. *The Mismeasure of Political Man* // *The Journal of Politics*. 1998. Aug. Vol. 50. № 3. P. 705—725.
- Fairclough N. *Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. — L. ; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003.
- Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis: An Overview* // *Discourse and Interaction* / Dijk T. van (ed.). — L.: Sage, 1997. P. 67—97.
- Gal S. *Language its stakes, and its effects* // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 376—391.
- Grigsby E. *Analyzing Politics: An Introduction to Political Science*. — N. Y.: Cengage Learning, 2011.
- Hay C. *Political Analysis*. — N. Y.: Palgrave, 2002.
- Johnson J. B. *Political Science Research Methods*. — N. Y.: CQ Press, 2008.

King G. Unifying Political Methodology: the Likelihood Theory of Statistical Inference. — N. Y.: University of Michigan Press, 1998.

King G., Keohane R. O., Verba S. Designing Social Inquiry. Scientific Inference in Qualitative Research. — Princeton Univ. Press, 1994.

Le Roy M. K. Research Methods in Political Science: An Introduction Using MicroCase. — N. Y.: Cengage Learning, 2008.

Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // Political Analysis. 2006. Vol. 14. P. 227—249.

Marsh D., Stoker G. Theory and Methods of Political Science. — L.: Sage, 2002.

McNabb D. E. Research Methods for Political Science: Quantitative and Qualitative Methods. — N. Y.: M. E. Sharpe, 2009.

Pennings P., Keman H., Kleinnijenhuis J. Doing Research in Political Science. — L.: Sage, 2006.

Ragin Ch. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. — Los Angeles: University of California Press, 1987.

Schwartz-Shea P., Yanow D. «Reading» «Methods» «Texts»: How Research Methods Texts Construct Political Science // Political Research Quarterly. 2002. June. Vol. 55. №. 2. P. 457—486.

Van Evera St. Guide to Methods for Students of Political Science. — Cornell: Cornell University Press, 1997.

Yanow D., Schwartz-Shea P. (eds.) Interpretation and Method: Empirical Methods and the Interpretative Turn. — Armonk, N. Y.: M.E. Sharpe, 2006.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба